

Генри Лайон Олди

Скорлупарь

*Часть сборника
Три повести о чудесах (сборник)*

Генри Лайон Олди

Скорлупарь

Серия «Три повести о чудесах», книга 3

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162050
Три повести о чудесах: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-25972-4*

Аннотация

Возможны ли чудеса в мире, насквозь пронизанном волшебством? В мире, где живут дипломированные чародеи, где магию зовут Высокой Наукой и применяют повсеместно? Не спешите делать выводы – и колдун может столкнуться с чудом, выходящим за пределы его могущества.

Ментальный паразит-захребетник цепляется к юному мастеру клинка. Снуль, похожий на спрута разносчик снов, терзает по ночам спящего в гробу вампира. Внук сорентийской кликуши и Слепого Циклопа рождается безумцем, обладателем губительного третьего глаза. Но Олди не были бы верны себе, если бы за этим пиришеством фантазии не стояли вечные человеческие проблемы. Сколько стоит миг милосердия? Почем нынче честь и отвага? Какой мерой измерим победу над самим собой?

Содержание

Повесть третья,	4
Совсем недавно,	11
Совсем недавно,	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Повесть третья, или Скорлупарь

Победа над собой – банальность, замусоленная тысячей языков. Монета, стершаяся от долгого хождения в легендах и притчах, наставлениях и моралитэ. Сколько ни тверди на перекрестках о величии такой победы, она не станет для людей привлекательней. Тысячи целей, куда более внятных, заслонят бедную замарашику, оттеснят в сторону и будут правы.

«Я» – не лучшая мишень для триумфальной стрелы.

Победиться – глагол, которого не существует в нашей речи. Нет глагола, значит, нет и действия? Иногда я счастлив, догадываясь, что наша речь несовершенна; иногда радуюсь, зная, что где-то кто-то все-таки, несмотря ни на что, побеждается; иногда просто молчу.

Из записей Нихона Седовласца

– Кто первым произвел вылушение глаза?

Лейб-малефактор Серафим Нексус отличался замечательной игривостью ума. Он умел и, главное, любил задавать вопросы, превращавшие собеседников в коллекцию соляных столбов. К счастью, Андреа Мускулюс за последнее время

привык к манерам неугомонного старца.

– Джордах Барташ, придворный окулист курфюрста Бонифация Удалого. Операция подробно описана в учебнике «Ophthalmodouleia, das ist Augendienst». Издание иллюстрировано гравюрами Эгидия Сандлера, раскрашенными вручную.

Про гравюры он добавил с нескрываемой гордостью. Знай, мол, наших! – все изучили, от корки до корки...

– Молодец, отрок! Кто в науках прилежен, тому порча – летний дождик. А кто же, позвольте спросить, первым произвел вылушение третьего глаза?

– Вы, сударь.

– Я? Ну да, конечно, я... Когда?

– Сорок пять лет тому назад.

– Ах, золотое времечко! И мы были юны, нас тешили струны!.. – Нексус затянул древний, давно забытый романс, но быстро понял, что сегодня он не в голосе. – Из каких источников почерпнуты сведенья, отрок?

– Из устного рассказа моего куратора-наставника, Просперо Кольрауна.

Балкончик, на котором они сидели, был тесноват. Крохотный столик, две табуретки, витая решетка с перильцами, плющ по стене – оба мага напоминали чету канареек в клетке. Внизу, на грядках с зеленью, копошилась хозяйка дома – милая старушка, одна из трех сорентийских кликуш. Ее чепец, словно бабочка-хлопотунья, порхал над укропом и ба-

зиликом.

За вишней, с упорством, достойным лучшего применения, кувыркался и крутил сальто убогий внук хозяйки. Для циркового акробата его потуги выглядели не ахти; для любителя – вполне сносно. Большинство несчастных, кто от рождения скорбен рассудком, а *скорлупари* – в особенности, отличаются завидным здоровьем. Крепкие, сильные, они рано созревают, много едят и живут долго, если кто-то о них заботится. Вот и этот паренек телесной крепостью удался на славу. Кульбит за кульбитом – со скучным, равнодушным, механическим постоянством, надвинув на уши колпак, расшитый по краю бисером...

От его гимнастики зрителей клонило в сон.

– У твоего Просперо молоко на губах не обсохло, когда я вылушил злокачественный третий глаз Иосифу Бренну! Что он может помнить? Ничего и даже меньше, – лейб-малефактор с удовольствием почесал кончик носа: старец любил хвастаться возрастом. – Небось все переврал, болтунишка!

Назвать Кольрауна, боевого мага трона, болтунишкой мог позволить себе не каждый. Мускулюс на всякий случай огляделся. Нет, громы и молнии запаздывали.

– А тебя, отрок, в ту пору еще и на свете не было. Иосиф Бренн, эксперт Коллегиума Волхвования, тихий, добродушный, безобидный сударь... Вечный Странник, за что карашь? Живет человек, и вдруг его *mal oschio*, дурной глазик самого великолепного свойства – кстати, «вороний баньши»,

как у тебя, отрок! – скоропостижно перерождается в «прободную язву»!

– «Мановорот» по классификации Нексуса-Кухеля, – с должным подобострашием уточнил Мускулюс, тайком делая отводящие пассы.

Старец, живи он вечно, умел предаваться воспоминаниям. «Вороний баньши, как у тебя! – скоропостижно перерождается...» Очень хотелось трижды сплюнуть через левое плечо. Но такой открытый знак недоверия лейб-малефактор мог расценить как обиду.

Обижать начальство – себе дороже.

– Именно, «мановорот»! Срабатывая, «прободная язва» сосет ману из всех доступных слоев носителя. Бренн чуть с ума не сошел, пока я готовился к операции. Держать эту заразу в узде, не позволить ей приоткрыться даже на йоту... Бедняга исхудал, начал заговариваться; думал наложить на себя руки. После операции он уехал в горы: отшельничать...

– В вашей практике еще случались «мановороты»?

– Нет. И надеюсь, что не случатся – я старенький, долго не проживу. Скоро, отрок, скоро оставлю вас, молодых, гулять на воле! Хлебнете счастьяца без дедушки Серафима...

У ворот по эту сторону забора скучал кудлатый пес. Бесстыдно задрал ногу, он с наслаждением чесался и гремел цепью. По ту сторону забора, на скамейке, в унисон псу скучали два стражника. Прислонив к забору алебарды, они обсуждали достоинства Толстухи Баськи. Судя по деталям, до-

стоинства заслуживали отдельной баллады.

Стражники тоже чесались: блоха – она всякого грызет.

– Дать бы им по башке, – мечтательно сказал Андреа Му-
скулюс. – Держу пари, я обошелся бы нашими табуретами.
Прямо отсюда, с балкона. У меня большой опыт применения
табуретов в критических ситуациях. Дивная картина: олухи
валяются без чувств, ворота открыты, мы покидаем госте-
приимный Сорент, гори он синим пламенем...

Лейб-малефактор слушал этот монолог, улыбаясь. Зубы
старца чудесно сохранились. Казалось, с годами их стало да-
же больше, чем положено человеку, пускай он – маг выс-
шей квалификации, кавалер «Вредителя Божьей Милостью»
с розами и бантами.

Пристрастие «отрока» к грубым методам нравилось Нек-
сусу.

– Ну зачем же табуретками...

Старец взял булочку, выдрал из румяного бочка щепоть
мякиша. Андреа жадно следил за его действиями. Нечасто
доводится видеть лейб-малефактора в красе, так сказать, и
силе! Сплюнув в ладонь, Нексус слепил из мякиша колбаску,
ничем не напоминающую традиционную «куклу». Но едва
он сунул край колбаски в чашку с чаем, заваренным из све-
жей мяты, стражник внизу с беспокойством заворочался.

– Жарковато, – сказал он напарнику. – В пот бросило...

– Угу...

Ветер толкнул крайнюю алебарду. Оружие качнулось, на-

кренилось и упало, изрядно стукнув хозяина древком по шлему. Пес бросил чесаться и залаял басом: собаки первыми чувствуют неладное.

– Ить, зараза!

Вздыхнув, старец бросил колбаску в рот и съел без видимых для стражника последствий. Он плямкал, чавкал; струйка слюны текла из уголка рта на подбородок. Для постороннего – неопрятность человека, зажившегося на свете. Для Мускулюса – ликвидация зловредной направленности манопотока.

Для стражника – большая удача.

– Нельзя, – с сожалением подвел итог Нексус, запивая колбаску чаем. – Сбежать можно, да нельзя. Герцог Сорентийский, возлюби его Нижняя Мама, только этого и ждет. Ударилась в бега? – значит, виновны. Без суда и следствия. Отрок, тебе это не кажется смешным: Серафим Нексус, лейб-малефактор Реттии, и Андреа Мускулюс, действительный член лейб-малефициума, – под домашним арестом?

– Не кажется, – ответил честный Мускулюс.

– Вот и мне не кажется... Ладно, вернемся к Высокой Науке. Как называл третий глаз Винченцо Лонхард?

– Мозговой железой.

– Еще?

– Камерой здравого смысла.

– Символ третьего глаза?

– Белый треугольник в желтом круге. По кромке круга –

синее кольцо.

– И два лазурных лепестка. Окраска лепестков у «вороньего баньши»?

– Иссиня-черная.

– У «адского вещуна»?

– Фиолетовая.

– Способ отратить воздействие «вещуна»?

– «Коза» из двух пальцев, направленная в землю. Серьга из бирюзы. Фаллические амулеты. Размер имеет значение: отвратная сила прямо пропорциональна...

– Отлично!

Похвала не обрадовала Мускулюса. В другой раз от восторга прыгал бы, а тут лишь кивнул и опять насупил брови. Вынужденное бездействие доводило малефика до белого каления. Он сам себе напоминал злополучный белый треугольник в желтом круге – еще чуть-чуть, и начнем глазить направо-налево.

А ведь как безобидно все начиналось...

Совсем недавно, или Поедем-ка, отрок, трудиться...

«В старом хитреце умер гений-лицедей, – думал Мускулюс, поддерживая Серафима под локоток, а в другой, свободной руке неся саквояж Нексуса. Содержимое саквояжа глухо звякало в такт размышлениям. – Ножками шаркает, горлышком сипит; изо всех щелей песок сыплется! А песочек-то, братцы, зыбучий, чмокнет – и прости-прощай...»

К счастью, искусством тайного чтения мыслей лейб-малефактор, при всех его талантах, не владел. Думать в присутствии начальства Андреа мог любую крамолу. Лишь бы на лице ничего не отразилось: физиогномистом Серафим слыл отменным.

Холл ратуши, где царил сумрак, встретил их благословенной прохладой. На лбу Мускулюса запоздало выступила испарина. Малефик с шумом выдохнул, чем разбудил служащего магистрата, прикорнувшего за конторкой.

– Доброго денечка, судари маги!

– И вам того же, – прогудел Андреа.

Нексус зашамкал что-то невнятное, но доброжелательное.

– Снова к трудам праведным?

– А куда денешься? – Мускулюс пожал широченными пле-

чами. – Служба.

– Да уж понимаем... Вечный Странник в помощь! Стряпчий вас ждет.

– Благодарствуем, сынок, – лейб-малефактор часто-часто заморгал, а там и прослезился от наплыва чувств. – Ох, молодежь растет, не сглазить бы...

Ведя Серафима к лестнице в дальнем конце холла, Андреа пришел к выводу, что все малефики – лицедеи. И сам он со стороны смотрится туповатым здоровяком, лишь по нелепой случайности угодившим в члены лейб-малефициума.

Маска приросла давно и прочно.

На втором пролете лестницы, где их никто не мог видеть, Серафим отпустил руку спутника и резво засеменял вверх по ступенькам, обогнав Мускулюса. Шума при ходьбе старец не производил. Долгое притворство утомило лейб-малефактора. Он желал хоть на минутку выйти из образа и размять члены. Однако на верхней площадке малефика поджидал знакомый доходяга. Лишь довольная улыбка мальчишки-проказника мало вязалась с ветхим обликом.

В скрипторий Серафим вошел, едва волоча ноги.

Два писца на миг прекратили скрипеть перьями, дабы с любопытством взглянуть на гостей. Стряпчий в засаленном камзоле встал, поклонившись магам, и с кислой миной выдал нужные документы. Кланяясь в ответ, Мускулюс искося взглянул на след от перстня, отчетливо видимый на безымянном пальце стряпчего.

Позавчера перстень был на месте. Новенький, червонного золота, с крупным сапфиром – явно не пращурово наследство. Драгоценность не вязалась с затрапезным видом стряпчего. Дранные кружева манжет, парик сбился набок... На следующий день перстень исчез, что лишь подтвердило подозрения. Стряпчий играл роль, прикидываясь скучным, погрязшим в рутине человечком скромного достатка. Все здесь играли роли: двор герцога, стряпчий, писцы... Королевским магам оставалось включиться в общий фарс и тихой сапой делать свою работу.

Малефик и лейб-малефактор проследовали за отведенный им стол. Мускулюс разложил бумаги, извлек из саквояжа походный чернильный прибор и футляр с перьями. Знаем мы эти шуточки: подмешают в чернила настой словоблудника – потом сам не разберешь, что записывал!

Итак, на чем мы остановились?

«...настоящим Высокие Стороны подтверждают и свидетельствуют, что межевые (пограничные) земли юго-западнее реки Севрючки исключительно переходят под руку Карла Неверинга, герцога Сорентийского, с правом прямого наследования на протяжении...»

Стоп! Что значит – «исключительно»? Почему не просто «переходят под руку»? Мускулюс пожалел, что он – не юрист. Впрочем, королевские юристы договор сверху донизу перепахали. Настала очередь членов малефициума. Андреа принялся и гулко, с удовлетворением, чихнул. Скрытой

порчей от заковыристого оборотца не пахло. Но некий крючкотворский выверт, щекочущий ноздри, наличествовал.

– Прошу прощения, сударь, что отвлекаю вас от работы. Мне необходима консультация специалиста.

– Я к вашим услугам, мастер.

От Мускулюса не укрылось, что стряпчий подобрался, от его напускной скуки не осталось и следа. Все-таки сорентиец был никудышным актером. Раз волнуется, значит, в договоре есть каверза! Надо копать. Землю носом рыть, но найти подвох!

За тем их сюда и прислал Эдвард II.

– Вот этот параграф. Что означает слово «исключительно»? Почему бы не написать просто...

Лисья морда стряпчего просияла.

– Это же уточнение в вашу пользу, мастер! В пользу просвещенной, судьбой хранимой Реттии, которую вы имеете честь представлять в благословенном Соренте!

– В нашу пользу?

Андреа понял, что угодил пальцем в небо.

– Контекст! Зрите в корень, уважаемый! – В голосе крючка звучало торжество. – Вот, извольте: «...земли западнее реки Севрючки исключительно...» Сообразили?

– Нет.

– Ну это же проще пареной репы! «Исключительно» – значит, исключая реку Севрючку! То есть река остается во владении Реттийской короны. Вот если бы здесь стояло слово

«включительно» – тогда другое дело...

– А-а-а! Так, может, написать: «исключая реку»? Или «за исключением реки»?

– Тут вы в корне не правы, сударь! – с лукавой улыбкой погрозил ему пальцем стряпчий. – Согласно «Уложению о правилах и нормах межгосударственного законоотворчества», том второй, статья семьдесят шестая, параграф пятый...

Он кинулся к полке с книгами и безошибочно выхватил пухлый фолиант, подняв целое облако пыли.

– ...исключение или включение в перечень территориальных объектов, основных, дополнительных и обособленных, с указанием майоратных характеристик...

– Верю, верю! – в отчаянии замахал руками Мускулюс. – Не смею более отрывать вас от работы. Консультация была исчерпывающей. Большое спасибо!

– Не стоит благодарности. Если что – обращайтесь. Я с удовольствием разрешу ваши сомнения.

Все это время Серафим Нексус тихо дремал, опустив голову на грудь.

Следующий час Мускулюс честно трудился. Не вникая в суть зубодробительных формулировок, он, на осьмушку приоткрыв «вороний баньши», погрузился в изучение вторичных скриптуалий. Однако тревожного зуда не ощутил. Медлили вспыхнуть синими огоньками «ловчие» слова; паутина скрытой порчи отказывалась проявляться. Договор был

чист, как отшельник-трепангулярый после омовения в источнике Непорочных Исчадий.

Но отчего нервничает стряпчий?!

В душевном раздразе Андреа тщательно исследовал фактуру бумаги и состав чернил. Бумага как бумага: хлопковая, отличного качества. Эманации чар отсутствуют. И чернила хороши: из стеблей ликоподия с добавлением отвара «дубовых орешков». Тем не менее сердце грызли опасения. Договор вызывал едва уловимые возмущения на границе аурального восприятия, как соринка в третьем глазе.

Мнительность разыгралась?

Малефик покосился на своего непосредственного начальника, не забыв предварительно закрыть «вороний баньши». Серафим пребывал в глубокой задумчивости, то есть спал. Во сне он еле слышно кряхтел и булькал. Значит, не почудилось. Лейб-малефактор зря булькать не станет. Андреа скорее поверил бы, что Квадрат Опоры на деле является пятимерным додекаэдром (как утверждал Люциус Искушенный), чем в случайность начальственного кряхтения.

– Ы-ыв-ва-а-а!

За окном гнусаво взвыл охотничий рожок. Следом нагнулся и вырос дробный перестук копыт. Серафим благосклонно пожевал губами: мол, не возражаю. Прерви, отрок, штудии, взгляни, что там.

Сквозь цветные витражи видно было плохо. Охра и кармин, аквамарин и бирюза – калейдоскоп превращал реаль-

ность в потешную сказку. Хмыкнув, Андреа сдвинул зрение в монохромную область – и ощутил, как на его макушку взбирается юркий паучок. За эфирахнидом тянулась астральная паутинка: лейб-малефактор тоже желал все видеть.

Не вставая с места.

Кавалькада всадников в охотничьих костюмах выезжала на площадь перед ратушей. Егеря, доезжачие, ловчие... Ага, вот и его высочество собственной персоной. Герцог Карл Строгий, государь Сорента – как и его досточтимые предки, головная боль Реттйской короны.

Говорят, сто лет назад, передавая Сорент в лен своему младшему сыну, король Ричард Безопасный страдал жесточайшей мигренью.

Массируя виски, он даровал принцу лен в форме апанажа – в случае прекращения свежеиспеченной герцогской династии Сорент возвращался короне. Такая форма дарения юридически оставляла территорию в рамках королевского дома Реттии.

Ричард не знал, что завещает мигрень наследникам.

Сорентийская династия Неверингов прекращаться и не думала. Напротив, она крепла и расцветала. В качестве средства приращения земель герцоги избрали не военную мощь, а матримониальную политику. Копя приданое, как скряга копит монеты в сундуках, они прибирали к рукам графство за графством. Более прочих отличился Иоанн Вдовец: он вступал в брак четырежды и все разы брал за себя особ ко-

ролевской крови.

Сестер и дочерей Неверинги также выдавали замуж с немалой пользой, включая окрестные майораты в свою сферу влияния.

После смерти Иоанна – последний дожил до глубокой старости, хороня жену за женой, – его сын, Карл Строгий, прозрачно намекнул сюзерену: время брачных договоров прошло. Хватит, вдосталь нарожали. Настало время оружия и твердой политики. Это, конечно, если Реттия станет идти наперекор благоразумию.

Предметом очередного конфликта стали «земли юго-западнее реки Севрючки исключительно...». Не желая воевать, король Эдвард II согласился подписать договор о передаче спорных земель Соренту. Сложился правовой казус: король как сеньор отдавал земли вассалу, то есть «де юре» самому себе. Но договор освобождал герцога Карла от ленной службы, хотя формально он оставался вассалом Реттии.

Таким извилистым путем герцогская корона грозила однажды превратиться в королевскую.

Юристы обеих сторон постарались на славу. Настала очередь малефиков: случалось, в договора закладывали тайную порчу, которая со временем приводила к трагическим последствиям. Для исследования бумаг в Сорент и отправили двух магов: Серафима Нексуса и Андреа Мускулюса.

За ними с визитом доброй воли должен был приехать король Эдвард.

– ...после смерти любимого шута... – стряпчий вздохнул. Задумавшись, Мускулюс и не заметил, как тот встал рядом, наблюдая за процессией, – ...у его высочества осталась одна отрада: ловля зверя. Лишь Фалеро мог ненадолго смягчить суровый нрав государя...

Пожалуй, сейчас стряпчий не играл роль. Он и впрямь был опечален. Дурное настроение герцога не замедлило сказаться на его подданных.

– И давно это случилось? – малефик из вежливости поддержал разговор.

– Шесть месяцев назад.

– Старость? Яд? Несчастный случай?

– Бедняга сломал шею, кувыркнувшись с балкона.

– Неужто его высочество не сумел найти себе нового шута?

– Увы. Граф д'Ориоль, младший сын герцога, вроде бы готовит преемника Фалеро, но... Нашему государю трудно угодить. «Шут и собака, – говорит он, – должны смотреть в глаза хозяину». А выдержать взгляд его высочества, особенно когда он не в духе или разгневан...

Кавалькада мало-помалу скрывалась в боковой улице. За спиной пышно одетого всадника – судя по гербу на плаще, упомянутого графа д'Ориоль – Мускулюс углядел второго седока. И с удивлением узнал в нем скорлупаря Реми Бубчика – внука хозяйки дома, где остановились маги-реттийцы.

Уж не его ли прочат в шуты суровому герцогу?

Да, не позавидуешь парню...

* * *

– Реми! Реми, кому говорю! Принеси господам магам свежих ватрушек!

Внук не слышал или делал вид, что не слышит призыва бабушки. Сейчас он репетировал прыжок с ног на руки и обратно. Судя по его виду, скорлупарь выполнял сложную, ответственную и довольно нудную работу. Колпак он натянул даже не на уши – на глаза, на всю голову целиком, до подбородка, чтоб не свалился. Вместо головы образовалась цветастая харя с бисерной оторочкой.

Абсолютно не смешная харя.

«Курбет, – припомнил Мускулюс название трюка. – Вечный Странник, как же тоскливо у него это выходит! Смотришь, и хоть вешайся... Ты же ничего не видишь, дурачок! Сейчас в вишню лбом треснешься...»

И впрямь, убогий акробат все ближе подходил к вишне. Еще пара-тройка курбетов вслепую, и придется звать лекаря. Ставить примочки, делать холодные компрессы...

– Реми! Тебе что сказано!

Несчастный прекратил скакать за миг до трагедии. С минуту он стоял на месте, размышляя или просто восстанавливая дыхание, после чего отправился в дом. Сдвинуть колпак на место он и не подумал. Так и шел, не глядя, но и не спо-

тыкаясь. Чувствовалось, что в родном саду – наверняка и в доме тоже – он ориентируется без помех, не нуждаясь в зрении.

«Бедолага, – вздохнул малефик. – Граф д’Ориоль – большой оригинал. Надо иметь своеобразное чувство юмора, чтобы рекомендовать тебя папаше в качестве нового шута. А если папашу зовут Карлом Строгим...»

– Симптомы расстройства третьего глаза? – продолжил экзамен Нексус.

– Припадки, забывчивость, зубная боль.

– Еще?

– Озноб.

– Ауральный показатель озноба?

– Серые облака в районе переносицы.

– Ватрушечки! Ватрушечки!

Овал Небес! Андреа Мускулюс чуть не подпрыгнул от неожиданности. Проклятый скорлупарь объявился в дверях балкона, как бес из табакерки. В руках парень держал поднос со сдобой.

– Ва-а-атру-у-у-ушечки-и!

– Ты чего орешь? – напустился на дурака малефик. – С тобой зайкой сделаешься... Ну, ватрушки. Спасибо за заботу. И вам спасибо, хозяйка! – крикнул он бабушке идиота, чтобы сгладить неловкость. – Замечательные ватрушки!

– Ва-атру-у... – шепнул скорлупарь. – Ва-а-а...

– Колпак-тоними, – тоном ниже посоветовал малефик. –

Расшибешься...

Парень отрицательно замотал головой, чуть не выронив поднос на колени лейб-малефактору. Ватрушки опасно запрыгали, напоминая жаб после дождя.

– Сними, сними, – настаивал Мускулюс. – Нельзя так ходить, неправильно. Надо перед собой смотреть, людей видеть, деревья, дома... Тогда все будет в порядке.

– Сними колпак, Реми! – велела снизу бабушка. – Сударь верно говорит. Вы не обижайтесь на него, сударь, глупый он у меня...

Одной рукой Реми попробовал стянуть колпак, не выпуская подноса. Мускулюс еле успел отобрать «товар» у бедняги: на сей раз ватрушки непременно рассыпались бы. Пахла сдоба одуряюще. Поджаристое тесто, творог с изюмом, чуточку корицы...

– Колпак, – сообщил Реми. – Ватрушечки.

Казалось, в шею парня вставили шарнир-невидимку. Он без остановки переводил взгляд с места на место. Глаза словно обжигались, задерживаясь где-то дольше, чем на краткий миг. Движение не прекращалось ни на секунду. Вот Реми глянул на столик, на перильца, на небо, на крону яблони; взгляд шарил, нащупывая и сразу отпуская – плечо Андреа, затылок Нексуса, изюминка, чашка, мотылек в вензелях решетки...

Это раздражало.

Хотелось ухватить парня за грудки, встряхнуть, силой за-

ставить сосредоточиться. Так, как Реми, ведут себя люди, виновные в преступлении и, главное, страдающие от чувства вины. Но самый пристрастный следователь не вынес бы Реми Бубчику приговор. Его заранее, до рождения, приговорила судьба. Парень целиком жил в своем, внутреннем мире, лишь изредка выбираясь в мир внешний. Цыпленок в яйце, он проклевывал скорлупу, высовывал наружу головку – и в испуге прятался опять, ограждаясь от злой свободы новыми слоями скорлупы.

По этой причине подобных ему звали скорлупарями.

– Ладно, иди, – не выдержал Мускулюс. – Кувыркайся.

– Кувырк-кувырк, – согласился Реми.

Он с видимым облегчением удалился. Минута, другая, и Реми объявился около вишни, продолжив акробатические упражнения. Теперь он подпрыгивал, уцепившись за мощную ветку, задирали ноги вверх – и соскакивал, прогнувшись.

От зрелища хотелось плакать.

– Забавное создание, – тихо бросил старец. Лицо лейб-малефактора, обращенное к ватрушкам, выражало живейший интерес. – Итак, продолжим. Влияние «мозгового песка» на общее дурноглазие?

Отвечая, Мускулюс втайне гордился собой. Вынужденное заточение дало ему возможность блеснуть перед начальством своими познаниями. Ретгийский Универмаг собирался учредить кафедру практического сглаза, и малефику предложили возглавить одну из лабораторий. Параллель-

но готовился учебник по теме; здесь также мужи Высокой Науки никак не желали обойтись без Андреа Мускулюса.

Опасаясь ударить в грязь лицом, малефик поднатаскался в теории. С практикой у него проблем не было. Ах, если бы не вынужденный отъезд в Сорент!

– У мужчин – плохо сдерживаемый тремор пальцев. У женщин – нарушения лунных циклов.

– У евнухов?

– Евнухи дурным глазом не обладают...

Совсем недавно, или В казематы, значит?.

Надвигающуюся беду Мускулюс, как и положено магу высшей квалификации, да еще и малефику – а главное, человеку, женатому на члене Совета Высших Некромантов Чуриха! – ощутил загодя. Судя по тому, что Нексус перестал кряхтеть и булькать во сне, старец учуял неладное куда раньше своего молодого помощника.

Чувствительные зады чародеев криком кричали: приближается дурной вестник. Значит, беда уже стряслась. Не с ними, хвала Вечному Страннику! – но и ретийцев чужое несчастье, вне сомнений, зацепит рикошетом. Когда суматошный стук копыт стих у входа в ратушу, Серафим властно приоткрыл левый глаз:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.